

**ОТМОРОЗОК
ЧАН**

НЕТ ЦЕЛИ

НЕТ ЧЕСТИ

НЕТ ЖАЛОСТИ

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Федор Достоевский

Отморозок Чан. Книга первая

«Издательские решения»

Достоевский Ф.

Отморозок Чан. Книга первая / Ф. Достоевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858059-8

Мир после конца света. Герой проваливается на конечную станцию метро и пытается найти путь обратно — на поверхность. Но в этой истории все далеко не так просто, как может показаться. Вам предстоит узнать, что же на самом деле случилось на планете, что происходит в метро и кто такой этот герой-одиночка, готовый убить первого встречного за пару сапог. Предупреждение! Много ненормативной лексики.

ISBN 978-5-44-858059-8

© Достоевский Ф.
© Издательские решения

Содержание

Первая глава	6
Вторая глава	11
Третья глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Отморозок Чан

Книга первая

Федор Достоевский

Дизайнер обложки Федор Достоевский

© Федор Достоевский, 2017

© Федор Достоевский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8059-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая глава

– Ой, сынок. Будет тебе, право слово. Ты меня совсем засмушал. Вон погляди ж ты, я раскраснелась, как шлюха на исповеди, – она со смущенной улыбкой махнула рукой в мою сторону. – Спускайся к нам, сынок. Полно тебе во мраке тут заниматься всяким. Ослепнешь, не ровен час.

– Спускаться к вам? – удивился я. – Мы же под землей.

– Ой, иди на хуй! – она закрыла дверь, но я слышал, как, спускаясь по воображаемой лестнице, она приговаривала: «Ну что за мудака? Откуда он вообще взялся? Я даже не замужем и вообще не помню, чтобы таких вычурных долбоебов рожала... Спаси Господь мою душу, кажется, я ебнулась. И откуда тут эта лестница?»

Наконец за дверью стихло. Хер его знает, что за шмаротень это была. Но на этой станции хватает пиздануток. Впрочем, как и везде. Я продолжил шерстить ящики.

Так-так, что тут у нас? Пульт для телевизора, банка тушенки, патроны. Дохуя проржавевших патронов. Ох, если бы они были местной валютой, я бы сейчас разбогател. Но ими к сожалению, расплачиваются только конченные долбоебы с экологических станций. А к экологам я не собираюсь.

Кажется, больше ничего ценного тут нет. Хер с ним, возьму пульт и патроны. Может, Андрей Алексеевич, старый пидор, и даст за них что-нибудь. Хотя, что он за такую херню дать может? Разве что в жопу, а такие сценарии мне в хуй не уперлись. В пизду, короче, эти патроны

Я высыпал патроны, которые уже успел припрятать в нагрудном кармане, на прогнивший, воняющий сыростью и мокрым цементом матрац.

Так, осталось решить, как отсюда съебаться. Похуй, на этой станции вооруженных наверняка нет, так что можно разыграть классическую стратегию «простите, я спешу».

Я вышел из помещения. Помещение. Громко сказано. Это был маленький сарай два на два метра. На этой станции таких было несколько десятков. Как, впрочем, и на многих других станциях.

Я стоял на разбитых каменных плитах, покрытых огромным слоем сухой грязи. Надо мной нависал низкий потолок. Эта станция называлась «Достоевская». Жуткое место. Еще три года назад она была затоплена под самый потолок, но потом вода ушла. Хер его знает куда, и мне, честно говоря, до пизды. Но после того, как вода ушла, все стены так и остались покрыты зелеными водорослями или мхом, или какой-то другой хуетой. От этого тут всегда стоял запах цветущего болота. По этой причине в народе станцию прозвали «Рыбацкая».

На «Рыбацкой» живут самые бедные люди. «Буржуазия» – как их называют у нас в метро. Они сползлись сюда со всех сторон, как мухи на говно, как только пошел слух, что станция освободилась от воды. У местных нет ничего ценного, и по этой причине тут редко бывают мародеры или торговцы. Сюда вообще никто не ходит. Я сам оказался тут проходом: провалился в ебаную щель и соскользнул в тоннель неподалеку. Пизданулся коленями о шпалы так, что думал высуру позвоночник. Короче, станция конченная, и живут тут конченные уебки, но так

как она крайняя, а я выпал в тупиковом тоннеле, то мне пришлось идти через нее. Ну и, разумеется, я решил проверить, действительно ли у этих пидронов нет ничего ценного. И все-таки нашел невъебенной ценности артефакт. Охуенный пульт. Занькали-таки сокровище, ублюдки хитрожопые. Я на этот пульт половину метро скуплю! Да какое половину, все, блядь, метро скуплю! Да пизжу, конечно. Этот пульт, ебучий, ни хуя не стоит. Я на компас его поменяю, если повезет и на хуй не пошлют. Подумать только, самый охуенный сталкер и без компаса ходит.

Короче, ходить тут надо тихо. Потому что слухи ходят разные про это место. Говорят, они людей жрут. Может, пиздеж. Даже скорее всего. Но проверять достоверность этой байки у меня желания нет.

В итоге я, словно мышь, проскользнул по путям, нагнувшись под платформой, и прощмонал пару сараев на предмет ценных вещей. В последнем из двух я встретил пизданутую бабу, которая приняла меня за сына. И вот я тут. Стою на улице и думаю о всякой хуйне. И все бы ничего, все мы любим подумать, но пока я предавался размышлениям, ебнутая баба привела подмогу. Вон они, идут на меня впятером. Все в обносках, как крестьяне из поселения десятого века. Ебальники недовольные. Бля буду, идут хуярить. Ну, хули поделать, пришло время разыграть классический сценарий экстренного съема «простите, я спешу».

Когда группа оказалась в шести метрах от меня, вперед выбежала та самая баба, у которой в доме охуенная лестница. Она бежала, выставив перед собой руки, и кричала: «Вот он, мой сыночек!» Не дожидаясь ее теплых материнских объятий, я выхватил из набедренной кобуры обрез и ебнул ей в ебло с обоих стволов. Лицо разнесло к ебням. В клочья. Осколки черепа вперемешку с мозгами со страшной скоростью вылетели через затылок и вонзились в рожу одного из ее сопровождающих. Он завопил, как последняя сука, и схватился руками за лицо. Ебаный нытик. Не дожидаясь момента, когда эти уебки начнут понимать, что их убивают, я рванул вперед. Бросив обрез, я выхватил нож и с силой ударил в грудь второго сопровождающего, который, выпучив глаза, смотрел на своего друга, залитого кровью и облепленного мозгами, вопящего рядом с ним..

Нож вошел тяжело. Я хотел ударить под ребра и по косо́й воткнуть в сердце, но взял высокогато. Нож застрял, и, чтобы освободить его, пришлось оттолкнуть насаженного на него мудака ногой. Он съехал с мерзким скрипом металла о кость и мешком повалился на платформу.

К этому моменту двое других наконец-то поняли, что тут происходит и с воплями ужаса рванули прочь. Ну уж нет, пидоры вы охуевшие. Я побежал за ними.

Люди начали выходить из своих сараев. Они с удивлением наблюдали за погоней, но не предпринимали никаких действий.

Один из убегающих решил сойти с дистанции – он прыгнул в сторону, к двери сарая, и скрылся внутри.

Хули, за двумя зайцами погонишься... Пусть прячется.

Еще несколько метров и я настиг свою жертву – бегущего пидора. Удар ногой в спину. Он упал вниз лицом. Я кинулся сверху. Схватил его за волосы и начал бить еблом о каменные плиты. Удар, еще, затем еще. Он затих на десятом. Дальше я не считал. Но когда я закончил,

вместо ударов раздавалось мерзкое чавканье. Под его головой растекалась огромная, багровая лужа.

Я запыхался. Но сейчас не время отдыхать. Нужно разобраться с последним. Я достал пистолет из оперативной кобуры. Когда-то это был «Макаров», но теперь это «Дядь Толя», потому что Дядя Толя так его закастомизировал, что от «Макарова» тут осталась только боевая пружина.

Я быстро шел по станции, осматривая левый ряд сараев и пытаюсь вспомнить, в какой из них запрыгнул последний из этих хуевых спецназовцев. Людей уже не было. Поняли, что тут какая-то нездоровая петрушка творится и поныкались. В конечном счете, я признал, что хуй вспомню, в какую дверь катапультировался этот охуевший селезень, и начал выбивать все двери подряд. За ними меня поджидали забившиеся по углам местные, в основном женщины и дети – видимо, мужи ушли охотиться на поверхность или их всех перебили на вылазках.

Наконец, за одной из дверей я увидел его. Он сидел, прижав к себе двух пацанят, лет по десять-двенадцать, наверное. Или по восемь? Хуй его знает.

– Вставай, гнида пучеглазая. Хотел попиздеть со мной? Вон он я. Давай попиздим, – я направил ствол ему в башку.

Он прижал детей к груди еще крепче и поднял на меня лицо. Ублюдок явно понимал, что ему пиздец.

– Я... я... – заговорил он, заикаясь, – что мы вам сделали? Зачем вы... как... почему вы нас убиваете?

– А вы, уебки, ко мне просто поговорить впятером пришли, что ли? Каравай с солью я нихуя не заметил.

– Лена... Та женщина, которую вы убили... она сказала, что сына нашла... Она сумасшедшая, но так настаивала, чтобы мы пошли посмотреть... Мы не хотели вас сердить. Просто пришли посмотреть... Простите, пожалуйста... Очень вас прошу... Простите меня...

«Бляя. Ну ебаный в рот», – выругался я про себя.

Захуярил четверых не за хуй. Что я за долбоеб-то такой? Я убрал ствол в кобуру. В глазах последнего уебка – «матери-одиночки» – вспыхнуло недоумение вперемешку с робкой надеждой.

Я развернулся и вышел. А хули было еще сказать? Извиниться за то, что убил четверых людей просто потому, что мне что-то показалось? Я что, ебнутый? Может, детей их, сирот, найти и перед ними извиниться? Простите пиздюки, за то, что я ваших батек захуярил, с особой жестокостью. Мне просто че-то показалось. Без обид?

Нахуя, блядь, было впятером идти к незнакомому человеку, словно банда отважных пиратов? Ясен хуй, я запаниковал и решил их разьебать, воспользовавшись единственным преимуществом: эффектом неожиданности.

Ну его нахуй. Так и ебнуться недолго. Не буду я думать об этих пидорах и об их детях. Мы не в сказке живем. Тут ебанный постапокалипсис. Детям тут вообще не хуй делать. Можете плакать над своими батьками, а можете сожрать. Мне поебать, вообще. Подрастете, глядишь, и вас захуярю...

«Погоди-ка, блядь!» – остановился я.

Какое нахуй «посмотреть?» Там было четыре мужика с суровыми ебальниками. Я что, первый день родился? Этих пидоров я валить стал, потому что знаю, с каким выражением на лице идут людей убивать. И у этих мразей были именно такие выражения на лицах. Вот жеж пидор!

Я резко развернулся, возвратился к сараю, из которого вышел несколько мгновений назад, ударом ноги распахнул дверь и вошел внутрь. Уебок сидел на полу и что-то говорил своим пиздюкам.

– Ты кого наебать решил, пидор ты подземный?!

С этими словами я вынул пистолет и закатал две пули прямо в его удивленное ебло. Этот уебок рухнул на спину, запрокинув голову назад, отчего воткнулся ею в пол, словно начинающий борец, решивший «встать на мостик».

В ушах зазвенело от выстрела. Дыхание сперло от пороховых газов. Оба пиздюка с удивлением смотрели на меня. Страх в их глазах я не заметил.

– Ваш батя был тем еще хитрожопым гондоном. Будете вести себя как он, я вернусь и прострелю вам ебальники. Договорились?

Один из пиздюков кивнул. Второй молча смотрел на меня. Я посмотрел на первого.

– Братана твоего контузило походу. Объяснишь ему потом, что я тут сказал?

Он снова кивнул. Смышленный малыш. Уверен, когда подрастет, найдет меня и отрежет башку тупым ножом. Надо бы захуярить его, да не за что пока.

Я вышел из сарая. Все по-прежнему ныкались по сараям. Тишину продолжали рвать вопли того мужика, которому ебло разорвало кусками черепа «моей любимой мамы». Пиздец нытик. Я двинулся через станцию. Дойдя до самого конца, я спрыгнул на пути и скрылся во мраке тоннеля.

– Бля-я-я-я-ядь. Забыл ебанный обрез...

КАРТА МЕТРО

Вторая глава

Что за блядство? Хорошо хоть вспомнил про этот ебучий обрез сейчас, а не когда дошел до другой станции. Охуенный обрез. Я его в карты выиграл. Нахуя я его вообще сбросил? Эти дебилы так туго соображали, что я мог его не только в кобуру успеть спрятать, но и почистить перед этим и воском рукоять натереть. Надеюсь, его еще не спиздили.

Я вышел из темного тоннеля обратно на станцию и залез на платформу. Крики мудака с осколками черепа в роже звучали приглушенно и все больше походили на скулеж. Я пошел в направлении голоса этого ебучего нытика.

Со стороны эта сцена наверняка смотрится охуенно. Мрачная, грязная станция, тускло освещенная масляными лампами. Платформа, заставленная грубо сколоченными сараями, окруженными со всех сторон разным хламом. Раздирающие тишину вопли, эхом отражающиеся от стен и потолка, и невзъебанный бородатый сталкер, весь измазанный кровью, одиноко шагающий через станцию. Сука, ну почему я не поэт? Хотя, если бы я ко всем своим прочим достоинствам, был еще и поэтом, то стал бы конкурировать в совершенстве с самим Господом Богом. А он такой хуйни бы не позволил.

А вот и наш нытик. Лежит на полу, уткнувшись лицом в пол и воеет как скучающий по хозяину пес. Дойдя до него, я присел на одно колено, достал нож и с силой воткнул ему в затылок. Уебок затих, как магнитола, отключенная от сети.

Наконец-то заткнулся. Он, наверное, и сам рад, что его убили. Мне даже показалось, что он прошептал: «Спасибо, что подарил мне покой... друг...». Пизжу конечно, ни хуя он не прошептал. Этот уебок лишь засучил ногами, словно решил уехать от меня на воображаемом велосипеде, и через мгновение обоссался – я заметил это по пятну, быстро растущему на штанине его уебищных самодельных штанов из грязной серой мешковины. Сука, как такие штаны вообще можно носить? За одно только это его стоило захуярить.

Я вырвал нож из затылка, не из своего ясен хуй, обтер об охуенные штаны мертвяка и убрал в карман. Затем осмотрелся вокруг.

Опа, вот он. Лежит в метре от меня. Какой же ты красивый. Просто охуенный. Шикарный блядь обрез. Я бросился к нему с глазами, полными слез счастья. Моя душа трепетала. Я не мог поверить, что мы, преодолев столько невзгод, снова вместе. Я обнял его что есть сил, и мы закужились в приветственном танце, словно два белоснежных лебедя...

Нет, это уже хуйня какая-то. Обрез реально охуенный, но про слезы счастья и прочую хуйню, это все пиздеж. Не было такого. Я просто проехал на одном колене до него, схватил, потрепал за деревянный бочок и запихнул обратно в набедренную кобуру.

– Больше не убегай от меня, пидор ты двухствольный. – Ласково сказал я ему.

Все, тут мы закончили. Наконец-то. Пора сваливать в тоннель. Итоги миссии: пять минутов и несколько десятков обоссавшихся от страха местных. Добыча: один охуенный пулыт. Итоговый рейтинг: прячьте своих детей, у нас тут наглухо ебанутый отморозок.

Через минуту я снова вошел в темный тоннель. Включил полудохлый фонарик, висящий на моей разгрузке. Сука, ни хуя не светит. Ебучий день. Ебнул по нему кулаком. Заработал. Пидр.

Так, о чем это я? Ах да. Ебучий день. День этот и вправду был максимально ебучим. Десять предыдущих дней до него я занимался собирательством на поверхности. Мне охуенно везло. Хабара немеряно, никаких стычек, грязных ветров почти нет, черных смерчей тоже. Короче, к сегодняшнему утру я забил УАЗик так, что впору баранку рулить с капота – в салон хуй влезешь. Я уже думал разворачиваться и ехать обратно к Кондратьевской, но тут увидел дохлого сталкера в охуенной снаряге.

И что вы думаете, сделал я, будучи затаренным по самые яйца? Ну конечно же блядь тормазнул УАЗик и решил снять снарягу с этого ебаного пидора, чтоб его труп олени выебали...

Короче заглушил мотор, вылез из УАЗика и словно счастливая девочка, увидевшая красивую куклу, поскакал к дохлому сталкеру, предвкушая какие ценности сейчас с него сниму. Ясен хуй под ноги я не смотрел. Я же добоеб.

В итоге провалился в блядскую щель, проскользил метров двадцать вниз и ебнулся на рельсы. Дальше вы знаете.

Выбраться обратно через эту щель нереально. Даже если я нашел бы стремянку, у меня один хуй нет никакой снаряги, чтобы подняться на поверхность через разлом.

А сама станция заблокирована, то есть подъемы завалены к ебням. Вот так вот я и остался в положении «висит груша, нельзя скушать». УАЗик всего метрах в тридцати от меня, но добраться до него можно только сделав крюк в несколько десятков километров.

Короче, теперь нужно придумать, как решить эту нехитрую задачку. Конечно, я могу просто выйти на поверхность на Советской и вернуться к УАЗику пешком. И так поступил бы любой уебок. Но я-то не уебок. Это очень хуевый план. Во-первых, у меня нет защиты, а без нее при первом же грязном ветре, я сдохну. Во-вторых, у меня мало боеприпасов. Конечно, я мог бы затариться на Советской, или дойти до Первомайской и затариться там, но бля, бабок у меня нет, а у этих пидоров с Достоевской не было ничего ценного, так что ушел я оттуда почти пустым. В общем, платить за снарягу нечем. За ебанный пульт мне дадут максимум три банки тушенки, ну или компас, хотя их нынче хуй найдешь, только у Андрея Алексеевича, наверное, и остались.

Да и вообще, идти пешком от Советской слишком дохуя и слишком опасно.

Так что остается один единственный вменяемый вариант – вернуться домой, на Кондратьевскую. Там снаряжусь и попрошу кого-нибудь из пацанов подбросить к Достоевской. Верну УАЗик, приеду домой, отдохну, распродам барахло и отдохну еще пару неделек от всей этой хуйни нездоровой, что вокруг творится.

Да, пожалуй, так и поступлю. Но в любом случае, по пути придется найти немного бабок, хотя бы на жратву, иначе придется крыс ловить. Крысы конечно заебись, но пока их жрешь, все ебало расцарапают.

Я, довольный тем, что утвердил план действий в окончательной редакции, бодро зашагал по шпалам. Фонарь выхватывал из темноты лишь полметра пространства передо мной, так что я быстро забил хуй на бодрую походку и стал идти медленно и осторожно, чтобы не споткнуться об какую-нибудь хуету и не сломать ебальник об рельсы.

Да уж. Тот еще денек. С другой стороны, то что я сейчас пустой это даже хорошо. Следующие две станции очень хуевые. Василеостровская и Пушкинская. Среди людей их кличут Пиратской и Гадской. И не зря. Живут там крайне мутные люди. Да какие на хуй люди? Уебки там живут, конченные. Короче хорошо, что я пустой. Взять у меня нечего, так что, глядишь, пропустят несильно выебываясь.

Я шел уже минут сорок и уже порядком подзаебался. Впереди по-прежнему была чернота. Когда же я наконец увижу свет станции? Неожиданно луч фонаря выхватил стену прямо перед моим лицом. Дорогу мне преградил завал. Заебись.

Откуда тут завал? Эти уебки с Пиратской решили изолировать несчастных люмпенов с Достоевской? Нахуя? Ебанные пидоры, неужели я заперт на Достоевской? Да нет, они же как-то должны ходить наружу, иначе с голоду бы сдохли давно. Надо подумать. Сука, хуево, что карта в машине осталась.

Я внимательно осмотрел стену. Бетонные плиты, земля, листы железа. Сука, откуда ты тут взялась-то? Я попытался восстановить карту у себя в голове. Так... Советская, Пушкинская, Василеостровская... Николаевская! Ебанный в рот, Николаевскую то забыл! Заблокированная станция. Точно. Поэтому то с Пиратской к ним не часто и наведываются. Тут должен быть узкий тоннель, протяженностью метров пятьдесят. Много слышал жутких баек про него. По нему только самые отважные решаются ходить.

Я снова стал осматривать стену. Оттащил один лист металла, потом второй, третий... вот он родимый! Сука, ни хуя себе, он реально узкий. Ходить там явно не получится. Ясно почему на Достоевскую никто не ходит.

В самом нижнем правом углу завала, была дыра, размером метр на метр. Ебаная жизнь. Придется ползти.

Ну что ж, делать нехуя. Я снял фонарик, взял его в руку, встал на четвереньки и заполз в тоннель.

Сука, тут ни хуя ни метр на метр. Ползти пришлось лежа, выставив локти перед собой. Фонарик переместился в рот. Выгляжу я, наверное, как полный уебок.

Охуенный тоннель. Хер с ним, что ребятам стало впадлу рыть его в полный рост, но блядь, стены и потолок никак не укреплены. От обвала этот тоннель защищает только... Да ни хуя его не защищает от обвала. Ебанный рот, нахуя я об этом думаю? Мое очко сжалось до размеров микрона. Холодный пот застилает глаза. Я сучу руками и ногами почти как тот пидор, которому я воткнул нож в затылок. Скорее бы кончился этот блядский тоннель. Только бы он блядь не обвалился. Сука, а если он завален впереди? Как я отсюда раком выползу? Похуй, как-нибудь выползу.

Неожиданно где-то в глубине тоннеля послышалось сиплое, утробное хрипение.

Что это блядь за хуйня такая? Сука. Нет, только не сейчас. Ну пожалуйста. Ну бляяаядь...

Хрипение повторилось снова, уже ближе, и неожиданно переросло в душераздирающий высокий вопль, приближающийся ко мне со страшной скоростью.

– Еб твою нахуй мать! – заорал я, резко убирая руку под себя, в надежде успеть достать пистолет.

В этот момент в свет фонаря ворвалась неебово жуткая хуйня.

Хуй его знает, что это за поебень такая. Ебло вроде человеческое, а вроде и нет. Словно разорвано по вертикали, а внутри хуй знает что. Слизь какая-то и... глаза. Огромные. Кожа мертветски синяя. Оно заполнило собой весь тоннель передо мной. Вытянуло ко мне свои руки. Руки почти человеческие, если не считать того что нихуя в них человеческого нет. Бля, если бы осьминог трахнул человека именно с такими руками родился бы их ребенок. Хотя нет, надо чтобы человека еще и паук перед этим трахнул. Сука, что за мразь-то такая?

Я стал отбивать свободной рукой его руки... или щупальца... короче хуйню, которую он ко мне протягивал, хер знает с какой целью.

В это время я наконец смог справиться со своей кобурой, вынул ствол, направил на эту неведомую хуйню и начал судорожно жать на спусковой крючок. Я так торопился захуячить это чудовище, что выстрелы моего пистолета были похожи на автоматную очередь. Брызги крови с силой ударили меня в глаза. Я зажмурился. Затем попытался проморгаться. Ни хуя не вижу...

Я ослеп! Сука, я ослеп! Темнота. Вокруг меня темнота! Только блядь ни это. Только блядь не сейчас. Я, ослепший, заперт в узком тоннеле с неведомой мразью. Ну пиздец...

Что это? Свет! Блядь, да я просто фанарик выплюнул. Быстро подняв и стрехнув с него какие-то слизкие ошметки, я направил его на своего нового охуенно красивого друга.

Почти нихуя не видно из-за пороховых газов. Дышать нечем. В ушах звенит так, словно рядом со мной взорвалась ядерная бомба.

Наконец дым немного рассеялся, и я смог разглядеть его. Сдох. Кажется, этот пидор сдох. На всякий случай я поменял магазин в пистолете. Это последний. Я протянул руку и потрогал неведомую тварь. Теплая. Как узнать живая она или просто спит? Спит? Нихуя себе. Охуенное время чтобы вздремнуть. Я имел в виду, может она в отключке. Типа сознание потеряла. Надо попробовать нащупать пульс.

Когда мне наконец наскучило облапывать эту слизкую хуегу, я признал, что неспособен понять, нет у нее пульса или же я просто не знаю, где его можно прощупать.

Ладно, пока что будем считать, что хуйня сдохла. Что делать дальше? Надо вытащить этого пидора отсюда, ублюдок загородил мне проход. Хер с ним, сначала вылезу назад, отдышусь немного, а потом залезу и выволоку его.

Я начал сдавать назад, на всякий случай выставив перед собой пистолет – мало ли, этот плод любви человека с пауком и осьминогом очнется.

Внезапно я уперся во что-то ногами. Я чуть не высрал сердце. Его друг пришел на крики товарища, чтобы помочь меня захуярить... Но почти в тот же миг я понял, что это не так. Там явно было что-то твердое, а эта хуйня мягкая и слизкая, как говно облученного. Мои ноги словно уперлись в стену. Блядь. Это завал. Тоннель завалило. Видимо я не услышал этого, из-за выстрелов и этого ебучего звона в ушах. Ну заебись.

Я еще несколько раз полягался ногами как олень. Хотя почему как, я и есть ебаный Олень. Угораздило меня блядь позариться на обосранную снарягу того обосранного сталкера.

Короче, я немного попинал завал за спиной ногами в надежде, что смогу его раскидать. Хуй там.

И так, что мы имеем. Сзади завал, а спереди предположительнодохлый мутант.

Интересная ситуация. Знаете, лучше бы меня олени выебали, чем в такую вот ситуацию интересную попадать.

Короче, вариант у меня один. Еще метров тридцать толкать дохляка до самого выхода из тоннеля. Выхода из тоннеля... Какого нахуй выхода? Из этого тоннеля я попаду в еще один, только побольше. Хотя, в данный момент ничего другого мне и не нужно. Только бы выбраться из этого пиздеца.

Я пополз вперед. Уже через несколько мгновений свет фонаря выхватил останки неведомой твари. Фу блядь, только сейчас заметил, как он смердит. Словно гнилую собаку сварили и смешали с дерьмом. Ладно, поблую потом, когда вылезу. Так, надо проверить, точно ли он сдох. Я взял пистолет за казенную часть и ебнул эту хуйню по еблу. Ей похуй.

Ладно. Я взял пистолет в другую руку, достал нож и воткнул в башку твари. Да. Она определенно дохлая. Я выдохнул с облегчением, убрал пистолет в кобуру, а нож в карман, затем уперся в тварь руками, а ногам в стены тоннеля и что есть силы попытался протолкнуть тварь дальше по тоннелю. Нихуя не вышло. После нескольких попыток я понял, что эта поебота, каким-то одним ей ведомым образом зафиксировала себя в тоннеле.

– Это очень хуево... – задумчиво произнес я.

Тварь одобрительно подмигнула мне и показала большой палец. Ей явно понравилось мое охуенное умозаключение относительно сложившейся ситуации.

Разумеется, эта хуйня мне не подмигивала. Но было бы забавно.

Короче ситуация, прямо скажем, пиздецовая. Я крепко задумался. Минут через пять, а может через сорок – хуй его знает, я наконец принял решение. Я разделаю эту хуйню ножом и выгалкую по кускам или пролезу прямо сквозь нее – как пойдет. Фу блядь, даже думать об этой хуйне противно.

И вот я довольный, сижу на своей станции и пью горячий чай, вспоминая о пережитых приключениях... Блядь, ну почему я не могу сразу перейти к этому месту своей биографии? Мне обязательно переживать весь этот пиздец вообще? Походу да. Хуй с ним. Короче, я снова достал нож и подполз к твари. Несколько минут подумал, с какой стороны начать ее пилить, затем ухватил под ту часть, которая скорее всего является подбородком. Потянул на себя и вон-

зил нож в открывшуюся моему взгляду шею. Кровь фонтаном ударила меня в рожу. Блядь, не уж то у нее до сих пор сердце бьется? Струя ебнула так, что, если бы я носил очки, они бы вылетели через жопу. Мне понадобилось тереть глаза несколько минут, прежде чем я снова научился видеть.

Я вновь вонзил нож в шею твари. К этому моменту она уже сдулась и, как следствие, в ебло мне кровь не брызнула.

Начал пилить шею. Сначала все шло хорошо – мясо жилистое, но податливое. Но потом я уперся в позвоночник. Его я пилил минут десять. Он что блядь, из стали у нее?

Оторвав наконец-то башку, я протолкал ее сбоку от себя и оттолкнул ногой назад, вглубь тоннеля.

Что дальше? Передо мной бесформенная масса, хуй знает чего, две клешни, и дырка от башки с торчащим обрубок позвоночника.

Хуй его знает, с какой стороны подступиться к этому дерьму. Я решил начать хаотично вырывать куски тела, пока эта хуета не развалится.

Спустя минут сорок, я был весь мокрый от пота и крови. В ушах звенело, то ли до сих пор от выстрелов, то ли я был готов ебнуться в обморок от недостатка кислорода. Пятна в глазах указывали на второе.

Я бил ножом как попало и забрался в эту тварь уже по самый пояс. Со всех сторон я был сдавлен смердящими внутренностями неведомой хуеты. Сложнее всего оказалось разломать ребра. Когда я с ними закончил, стало гораздо проще. Наконец, я увидел черноту сквозь тушу. Это тоннель с обратной стороны твари. Воодушевленный, я начал работать активнее. И действительно, приятный ветерок начал обдувать мое лицо. Я остановился и с наслаждением сделал несколько глубоких вдохов. И похуй, что вместе со свежим воздухом, в нос бил тошнотворный смрад внутренностей твари.

Я снова взялся за работу. Бей, пили, бей, пили, бей, пили. Снова и снова, снова и снова. И вот, наконец, я выбрался в тоннель с другой стороны твари, слизкий словно червь в коровьих кишках. Слава тебе, блядь, Господи.

Дальше я полз по тоннелю так, словно это было моим любимым занятием. Хуй его знает, может быть я даже улыбался.

Неожиданно я уперся в стену. Блядь, слава богу она металлическая. Я толкнул ее рукой. И действительно, просто лист металла, прикрывающий тоннель. Я вылез в основной, просторный тоннель метро. Насквозь мокрый, смердящий как сдохшая две недели назад лошадь, донельзя охуевший, но абсолютно счастливый. Я не замурован в тоннеле. Я жив. И это охуенно.

Третья глава

Я шел по тоннелю уже достаточно давно. Далеко впереди уже виден тусклый свет. Через пару минут буду на Пиратской. Пожалуй, я бы походил еще пару часиков. Как же охуенно ходить. Стены не трутся о плечи, яйца не трутся об землю. Заебись. Хуй с ним, продам этот вонючий пульт на Пиратской за пару сотен. А то жрать охото – пиздец.

Наконец, я дошел до источника света. Левая фара ебучего электропоезда. Он стоял, загромождавшая вход на станцию. Пространство между поездом и стенами тоннеля и по бокам и сверху, и снизу, было завалено мешками, наверняка с песком.

Самый распространенный дверной проход на станциях, хули. Пройти дальше можно только через окно, но только если с него сетку уберут, которая закреплена с той стороны. Охрана как посмотрю тут охуенно бдительная.

– Эй уебки! – крикнул я, решив помочь пограницам проснуться. – Армия нежити пришла вас выебать!

Через несколько мгновений, мне в ебло, из оконного проема поезда ударил луч фонаря.

– Ты че охуел?! – Раздался возмущенный голос. – Я тебе ща в ебло пулю закатаю, за шутки твои тупорылые!

– Мамке своей закатай. Открывай, бля, ворота!

Как я и говорил. Пиратская – очень опасная станция. Тут нужно себя вести максимально деликатно. Или не говорил? Короче похуй – не суть.

Что-то скрипнуло. Металлическая сетка упала, открывая проход.

– Лестницу хуй спущу. – Снова раздался возмущенный голос из темноты. – На руках подтянешься, пидр остроумный.

Сначала я думал крикнуть «Лови гранату!», но потом решил, что на хуй. Короче, ухватился за низ проема, подтянулся и заполз в тесную кабину поезда.

Тут не было ничего, кроме молодого рыжего уебка с автоматом. Одет в синий комбез. Ебло заспанное. Так и знал, что спит, пидрота малолетняя.

– Ебанный в рот, что с тобой случилось?! Что за вонь?! – Спросил он, закрыв рот и нос рукой и прищурил глаза.

Совсем, блядь, забыл, как я выгляжу, после того как пролез насквозь неведомую тварь.

– Да бля, мамку твою обнимал. Ты лучше скажи, что на станции твориться?

– Все заебись на станции. Только я тебя хуй пропущу в таком виде. Ты ж, блядь, заразу какую принес, наверняка.

– Нет такой заразы, которую твоя мамка на станцию еще не принесла, так что похуй.

– Ты слышь. За базаром следи, заебал! – Пиздюк явно напрягся. Сжал автомат свой так, что пальцы побелели.

Я резко выбросил кулак ему в ебло. От удара его мотнуло назад, и он ебнулся башкой о перегородку кабины. Другой рукой я выбил автомат из его рук, затем схватил за шею той рукой, которой мгновение назад дал в ебло, а той рукой, которой выбил автомат, выхватил обрез из набедренной кобуры и направил пидору в рожу.

– Ты че, мокрощель подземная, хамить мне удумал?!

Никогда еще не видел настолько испуганного человека. Точнее, со времен Достоевской, не видел настолько испуганного человека. Хотя, я вообще не видел людей со времен Достоевской. Короче похуй, просто знайте, малой сегодня будет просить маму постирать его штаны.

– Да ты чего дядь!? Я не хамил! Ты сам начал! Чего ты сразу драться? – Затараторил испуганный пиздюк.

– Ах ты ж сука ... – многозначительно протянул я. – Ты что это сейчас сказать хотел этим? Что я ебучий лох, и ты прямо сейчас выбьешь из моих рук ствол и разорвешь мне ебало?

Я сделал суровое ебло и придвинулся ближе к пиздюку. Глаза пацана округлились настолько, что я даже не поверил, что их вообще так можно выкатить из черепа.

– Нет!.. нет... я...я ничего такого не говорил! Мужик, ну бля... Ну успокойся! Я ниухя не делал, просто попросил не оскорблять! Нахуй ты заводишься?

– Ах ты залупа ты конская... Ты еще и насмехаешься надо мной, щенок?! Типа думаешь, мне слабо на крючок нажать и ебло тебе снести?! Да сука!? Так ты решил?!

– НЕТ! Ну пожалуйста, ну братан! Ну извини! – с отчаянием заныл пиздюк.

– Ах ты еще и мать мою шлюхой решил назвать! Говоришь и батька мой пидр конченный?! Да ты погляжу, совсем охуел! Решил, что бессмертный?! Пизда тебе, короче! – Я вжал стволы ему в рожу со страшной силой и скривил максимально яростное и безумное ебло.

– НЕЕЕТ! – Завопил он.

Я нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок. В тот же момент ебло пацана озарила гримаса осознания того факта, что ему пиздец. И... И ниухя. Ствол то не заряжен. Последние два патрона истратил в ебло той телки на Достоевской.

Я опустил ствол и громко рассмеялся. Бля... я так смеялся, что у меня слезы выступили. Смеялся я очень долго. Пиздец как долго. Наконец, я посмотрел на него, сквозь застланные слезами глаза. Лицо пиздюка выражало крайнюю степень недоумения, вперемешку со смятением.

– Бля... Сука... Видел бы ты свое ебало.. «Нет, нет, я ничего такого не говорил, простите сэр!» – Передразнил, задыхаясь от смеха я. – Ну ты и пидор, ссыкливый. Он же не заряжен, ебана в рот...

Посмеявшись еще секунд двадцать, я резко убрал улыбку с лица, стер слезы, выступившие от смеха, спрятал охуенный обрез обратно в кобуру, оттолкнул пиздюка в сторону со словами «съебал с дороги», и вышел из кабины.

В вагоне было пусто. Окна закрашены краской. Освещен вагон лишь парой масляных ламп. Открыта только задняя дверь – из нее в вагон заливается свет. Все скамейки и пол завалены всяким тряпьем. Видимо, ночью тут спит немало народу.

Я прошел через вагон и вышел на станцию.

Нихуя себе. У них тут электрическое освещение. Заебись.

На станции было гораздо светлее, чем на Достоевской. Некоторые лампы на потолке были запитаны от генератора. Так транжирить топливо, мало кто может себе позволить – это очень дорогое удовольствие. Наверняка, заправляющие тут уебки имеют топливный схрон на поверхности. Причем неебового объема.

На этой станции были не только деревянные палатки, но и металлические. Да тут даже парочку из кирпича выложили, нихуя себе. В центре зала возвышалась здоровенная постройка. Обычно в таких делают клубы отдыха или кабаки. Значит, туда мне и надо. Я двинулся через станцию между домами. Тут много курятников, есть свинарник, я даже заметил пару коров. Люди не выглядят бедными. Хорошо одеты, не исхудалые. Лица в большинстве своем довольные. Тряпки вывешивают сушиться прямо снаружи – значит, воруют тут мало. Охрана ходит тут и там. Вооружены хорошо. Таких пиздюков как тот что на вахте, мало. В основном крепкие мужики. Одеты в такие же комбезы, какой я видел на пиздюке. Видимо это такая форма у них.

Короче походу про эту станцию мне напиздели. Или тут власть сменилась. Я думал, тут бандитский притон. Но нет. Живут явно неплохо. И живут, скорее всего, как люди, а не как шакалы. Может и зря я пиздюка того прессанул. Хотя, вообще-то похуй. Было весело. Да и ему полезно, не хуй спать на посту и впускать кого попало, не позвав старших. Пока я шел через станцию, люди оборачивались на меня. Уверен, выгляжу я хуево. Но воняю я точно хуже. Надо найти, где помыться и почистить тряпки. Наконец, я дошел до большой постройки в центре станции. Я оказался прав. На стене у двери было написано краской: «Бар» и чуть ниже «Рынок». Ништяк.

Я ускорился. Прямо у входа сидел совсем маленький пацан. Возраста тех пиздюков, чьего бату я недавно захуярил. Тощий как спичка. Сидит с вытянутой рукой. Бездомный значит. На паперти. Когда я приблизился, пацан поднял на меня голодные, полные грусти глаза и робко протянул руку, прося побаловать монеткой.

– Пошел на хуй, – грубо буркнул я, оттолкнул руку и вошел в помещение.

Я попал в небольшую, тускло освещенную комнату с низким потолком. По краям комнаты стояло два длинных стола, заваленных всякой херней. Консервы, шмотки, мясо, патроны, даже пара стволов была самодельных. С противоположной стороны была еще одна деревянная дверь, на которой было выцарапано слово «Бар». Стены, пол и потолок обшиты коричневым

линолеумом, который вспучился и поотваливался везде, где только можно. Охуенный ремонт. Ни те ли пидоры делали, которые тот ебучий тоннель рыли.

В помещении не было никого кроме меня и торговца – жирного мужика в засаленном черном костюме. Пиздец, неужто кто-то в метро еще носит костюмы?

Жирный торговец сначала радостно улыбнулся, увидев меня, но потом, когда я вышел на свет, разглядел. Да и запах, наверное, до него дошел. Короче улыбка сменилась брезгливой миной.

– Торгуешь? – сухо спросил я.

– Торгую, – сухо ответил он.

Я достал из кармана пульт.

– Короче, у меня был очень хуевый день, – начал я.

– Я заметил, – прервал он, смерив меня взглядом.

– Это на мне кишки охуевшего пидора, который не поверил, что я его пополам смогу порвать, голыми руками. – Сказал я, натянув на ебало выражение, призванное указать торговцу на то, что я начинаю терять терпение.

– Понял. У всех бывают тяжелые дни. Прошу прощения за тон! – Заулыбался он, явно поняв, что недооценил меня при первом рассмотрении.

– Заебись. Короче. Я с поверхности пришел. Попал в передрыгу – проебал всю снарягу. – «Бля, а говорил не поэт» – Успел унести только вот этот пульт. – Я ткнул пультом ему в рожу, для наглядности. – Короче пульт для себя нахватил. Охуенное, высокотехнологичное устройство. Универсальный. Настраивается под любую технику. И телик любой берет и магнитола. Батарейки новые, сам вставил. Хуй бы продавать стал, но делать нечего. Бабки нужны. За сколько заберешь?

Жирдяй взял пульт и долго вертел его в руках, внимательно изучая. Так долго, что меня успело заебать ждать. Еще бы минута, и я дал ему в ебло, чтобы ускорить мыслительный процесс.

– Точно универсальный? – С недоверием спросил он.

Наконец-то блядь, посмотрелся.

– Бля буду! – я выхватил у него из рук пульт и стал показывать на разные кнопки. – Вот тут зажимаешь, и направляешь на нужное устройство. Потом вот сюда жмешь, а потом вот сюда. И все. Я на Советской проверял на трех теликах, все работает. Можем и тут проверить. Телик есть?

Ясен хуй тут нет телика. И это сразу ясно любому, у кого есть глаза. Также ясно, что пульт этот нихуя не универсальный. А еще ясно, что кнопки, в которые я тыкал, хуй знает, что

делают, но точно не настраивают этот пульт на разные телевизоры. Я даже не уверен, что он от телика вообще. Вся надежда на то, что этот пидор куда менее искушенный торговец чем те, что работают на Торговой или Караванной.

– Так, а сюда ты чего пришел? – спросил жирдяй с недоверием. – Ты ж неместный, вроде. И чего на Советской не продал?

– Да я и не собирался продавать. Говорю же, себе взял. Думал сюда к Андрюхе зайду, он мне денег одолжит, чтобы до дома добраться, а его тут нет никуда – на поверхность ушел. Вот, приходится выкручиваться.

Торговец снова взял у меня пульт и снова долго рассматривал, периодически поднимая глаза на меня. Изучает падла. Не на чем у него проверить его, или впадлу заморачиваться. А универсальный пульт охота. За такой штуки две можно выручить. Вот и всматривается в рожу мою. Пиздабола вычисляет.

– Триста рублей дам. Нормально? – наконец выдал он.

Вот пидор жадный.

– Да ты охуел? – возмутился я. – Да за триста ты обычный возьмешь только. Или ты решил раз меня жизнь похуярила, значит я лох и меня доить можно?

– Ладно, ладно! – поднял руки он. – Шестьсот?

– Бля, ну смешно же. Давай штуку.

– Семьсот.

– Восемьсот, комбез какой-нибудь и помыться мне оформишь.

– Семьсот и все, что ты перечислил.

Я сделал вид, что крепко задумался.

– Эх! – наконец махнул рукой я. – Хер бы с ним! По рукам!

Вот так надо заключать охуенные сделки! Продал пульт, которому цена две сотки максимум, да и то, если он работает (в чем я сильно сомневаюсь), за семь сотен.

Торговец подобрал мне комбез, и сказал, как дойти до помывочной. На нее он добавил мне десять рублей. Именно столько, по его словам, стоило там помыться. Надеюсь, не пиздит.

Я решил начать с помывки. В бар меня в таком виде явно не пустят.

Помывочные тут были самые обычные. Деревянные надстройки у платформы, окруженные полиэтиленом. Сверху были установлены бочки с водой. Ясен хуй, холодной и вонючей.

Про цену жиробас не наебал. Реально десятка. Уже через полчаса я вышел из помывочной, чистый и довольный. Старый комбез я сбросил на пути – ну его в пизду. Отстирать не получится, разве что сжечь. Так что теперь на мне был одет зеленый комбез, выменянный у жиробаса, высокие черные ботинки, ремень с набедренной кобурой, оперативная кобура и черная разгрузка поверх. Рукава я закатал, чтобы все видели мои охуенные часы и куда более охуенные предплечья.

Ну что, теперь в бар. Жрать хочу, умираю.

Я вернулся к постройке, расположенной в центре станции. Снова послал на хуй малого, пидор походу вообще не запоминает своих клиентов, и вошел в помещение. Торговец улыбнулся так, словно встретил меня впервые, видимо, в нашу первую встречу я действительно выглядел очень хуево. Короче, я кивнул ему и прошел в бар.

Тесная комната. Тоже мрачная, тоже обшита ебучим линолеумом. Барная стойка сколоченная из грубых необработанных досок. За ней стоит какая-то жируха, похожая на торговца. Видимо его дочка. С ней разговаривает какая-то тощая пизда, видимо официантка. В помещении восемь пластиковых столов и по три пластиковых стула вокруг каждого из них. Стулья и столы разных цветов и покрыты толстым слоем почерневшего жира или хуй знает, что это вообще. Короче, тут не мешало бы прибраться. Хотя в данном случае, проще сжечь этот бар к ебням.

Кроме меня в помещении еще пять человек. Четыре щуплых мужика, явно крестьяне, и один малой шкет, лет двадцати, изучающий какие-то записи в тетрадке. Рядом с ним большой походный рюкзак, а на ногах просто охуительные военные ботинки. Я бы убил за такие, бля буду.

Хуй с ним. Я прошел к ближайшему столу и сел. У официантки видимо выработался инстинкт за годы работы, и она, услышав скрип стула за незанятым столом, резко обернулась и пошла ко мне, оборвав свой разговор с жирухой.

– Что будете заказывать? – улыбнулась она. Ей было лет тридцать, а на вид семьдесят. Явно бухает с пяти лет и столько же времени ебется за деньги с кем попало.

– Чай. Горячий. Без сахара. И чего-нибудь похавать. Пару порций.

– Есть макароны с тушенкой или рис с...

– Да мне похуй. – оборвал ее я. – Неси что хочешь. Только чай сразу. Пить охота. Даже два чая неси.

Она ушла. Почти сразу я заметил, что пиздюк в охуенных ботинках пялится на меня. Через минуту официантка-шлюха принесла чай. Еще через две минуты меня заебал, что малой в охуенных ботинках сверлит меня взглядом.

– Тебе че надо, малой? – Громко спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.